

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. ЛУННАЯ ТРОПА

САРА ДЖИО. НАЗАД К ТЕБЕ

САРА ДЖИО. УТРЕННЕЕ СИЯНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЛЕГКО НА СЕРДЦЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. РАЗБИВАЯ ВОЛНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

МИЛЕНЬКИЙ
ТЫ МОЙ

МОСКВА
2024

УДК821.161.1-31
ББК84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление
Валерии Кольшиевой

В оформлении обложки использована фотография:
© maxbelchenko / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Метлицкая, Мария.

М54 Миленький ты мой / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-158359-0

Сначала Лиду бросила мать — оставила на воспитание бабушке в глухой деревне. Так девочка и росла — с твердым убеждением, что никому не нужна. Потом ее бросали мужчины — неожиданно, подло, несправедливо. Так, что всякий раз хотелось кричать: «Мой милый, что тебе я сделала?» Лиде казалось, что ее сердце заморожено навсегда и разморозить его нельзя. Да она и не хотела. Жить без любви даже удобно — ни страданий, ни разочарований.

Одного Лиды не учла — любовь приходит не спрашивая, даже если ты отчаянно ей сопротивляешься.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-158359-0

Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой.
Милая моя! Взял бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе сестрой.
Милая моя! Взял бы я тебя.
Но там, в краю далеком,
Есть у меня сестра.
Миленький ты мой!
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе чужой.
Милая моя! Взял бы я тебя!
Но там, в краю далеком,
Чужая ты мне не нужна!

Пролог

Это была высотка. Всем своим видом она унижала своих соседей, собратьев и окружающих — приземистых, неказистых и нелепых. Эта волшебная башня, замок с островерхой крышей, сказочный терем времен пятидесятых, была населена людьми. Не народом — Людьми. Людьми с большой буквы. В ней, в этой башне, как всем известно, простых людей не было. Не живут простые в сталинских башнях. Простые, привыкшие к вони в темных подъездах и сварливым соседским голосам за стеной, ютятся в убогих хрущобах с фанерными стенами, в панельных клетухах с потолками в два сорок, да в частных домишках, продуваемых, хилых, с вечно текущими крышами. И все они счастливы до смерти — свое и отдельное. И пусть потолки на голове, пусть в туалет только боком, и пусть все обедают по очереди на пятиметровой кухоньке, потому что всем не усесться. Правда, у меня и этого «счастья» нет, но ничего! Еще будет! Еще наверстаю — я же способная!

В подъезде, конечно, консьерж. Или швейцар?..

Нет, все же консьерж. Швейцар с бородой, с галунами и в важной фуражке — почти адмирал. А здесь — бабка. Обычная бабка, которой доверена власть.

Такие, как она, обычно отрываются по полной — букашки, от которых что-то зависит!

Все, что угодно и где угодно! Не беспокойтесь — уж они-то, эти «тетки в тапках», своего не пропустят! И еще — не пропустят. Не своего.

— Вы, простите, к кому? — вежливо осведомляется, а в глазах — чистая сталь. Злость одна. Даже ненависть. Хреново, наверное, сидеть тут по суткам. Задница затекает. На столе — стакан с чаем, откусанный бутерброд с колбасой и дешевые карамельки. Обед.

А я вот помешала...

Отвечаю. Глазки туплю, как положено. Ну, раз за «свою» не признала — буду паинькой, скромницей.

Не сошла за свою. Что, впрочем, понятно — глаз у этих служителей порядка — алмаз! На том и стоим.

— К Краснопевцовой? — с недоверием уточняет и впивается в меня еще пристальней. — К Лидии Николаевне? — повторяет она и хмыкает носом, слегка усмехается — типа, не верит. И еще недовольно качнула головой — типа, знаем мы вас!

— А вы ей, простите... кем будете?

— Я? — переспрашиваю с дурацкой «первомайской» улыбкой. — Я ей родня! Дочка ее. Ну... сестры!

— М-м-м... сестры?

Консьержка обескуражена и растеряна окончательно. Не знает, как быть.

— Ну а вы, — советую я, — позвоните ей, Лидии Николавне! Она подтвердит!

— Ладно, — машет рукой консьержка, — проходите, чего уж! — И громко глотает чай.

Вот и прокололась — неправильно это. Неграмотно. И ведь сидит днями у телика. Что смотрит? Понятно — криминальные новости. Все эти бабки обожают такую фигню. Чтобы и страшненько, и интересненько. И поохать, и покряхтеть, и поделиться потом с подружкой. Повздыхать и поежиться — ох, времена!.. Довели страну, изверги!

А там ведь предупреждают таких вот ослиц — не доверять. Не пропускать. Вызвать охрану. Двери не открывать! Теток-аферисток сейчас даже больше, чем мужиков.

Но я уже в лифте. А лифт этот — ох! Впечатляет. Всем лифтам лифт! И пусть красная ковровая дорожка поистрепалась. Зато зеркало-то висит. И темные панели на стенах — гладкие, отполированные, из благородного дерева. Скамеечка у стены: устали — извольте, присядьте! Едет, правда, тряско. Гудит. Все понятно — старик. Глубокий старик...

Шестой этаж. Выхожу. Квартира напротив лифта. Деревянная дверь. Пооббитая и потрепанная — все, как положено. Рухлядь, конечно. Но все равно впечатляет. Былая роскошь. Тоже из прошлой жизни. Не заменили. Не захотели или?.. Банально не было уже денег?

Я замираю и смотрю на звонок. Над ним — латунная табличка. Имя, отчество, фамилия покойного супруга. Перечисленные регалии: академик, член-корреспондент, профессор, народный художник, Герой Соцтруда... Смех, да и только! Кому это сейчас интересно? И ведь не поленился все перечислить!.. Любил, поди, свои звонкие звания. Умилялся.

Звонок тоже «оттуда» — медный или латунный. Облезлый.

Я выдыхаю и... Нажимаю. Колокольный перезвон — нежный и мелодичный. Совсем не тревожный. Современные звонят так, что вздрагиваешь и падает сердце.

— Кто? — минут через пять раздается осторожный и тихий голос за дверью.

Молодец! Не рвет дверь на себя — сначала интересуется.

— Лидия Николаевна, — по-овечьи блею я, — это я, Лида! Лида Канавина! Дочь вашей Полины! Из Локшинки! Я вам писала...

Тишина. Думает? Вспоминает? А вот если не откроет? И что тогда, милая Лида, поедешь обратно? В свой Н.? В свой богом забытый уезд-

ный городишко? Вернешься домой, в село Локшинку? И все твои прожекты, милая Лида...

Ах, как все просто! Тебе не откроют, и все. Просто тебе НЕ ОТКРОЮТ.

Но — без паники! Щелкает замок, гремит дверная цепочка.

И вот дверь открыта. Только вопрос — куда?

Да в новую жизнь! Лида, вперед! И не робей! У тебя все получится!

Она стоит на пороге и смотрит — недоверчиво и подозрительно. Что ж, время такое. Ее можно понять. Если бы не фотографии Полины Сергеевны да не памятные часики с позолотой, сунутые ей прямо под нос — стоять бы мне за облезлой дверью. А потом — поторапливаться на вокзал.

Но я девочка умная. Сметливая и хитроватая. Все подготовила, все. И сама подготовилась — будьте любезны! Спасибо за школу жизни — всему научила. И дорогой Полине Сергеевне отдельное спасибо! Объяснила в далеком детстве милая матушка, что я никому не нужна.

Я не нужна... Ну и вы мне до фени! Все, без разбора. Так и проживу свою жизнь без сердечных привязанностей. Потому что знаю, чем эти страсти кончаются. А мне так больше не надо! Совсем. Раз вы со мной так, ну и я соответственно. Без угрызений совести, да. Абсолютно, заметьте, без угрызений!

Туплю глазки и смотрю в пол. Потом поднимаю — светлые, чистые, голубые. Без тени, так сказать...

Милая, скромная провинциалка. Хорошее, доброе, вполне симпатичное лицо. Косметики ноль. Руки рабочие, познавшие «жисть» — и огород, и хозяйство. Но аккуратные. Ногти подстрижены и обработаны. Волосы в косу. Не переборщила? Вроде нет, так сейчас модно. Скромная китайская кофточка, скромная юбка. Пальто.

— Ну-у-у... — неуверенно тянет она, — проходите.

С большим, как говорится, сомнением в правильности своего решения.

Но первый шаг уже сделан, и я прохожу. Я вошла. В святая святых... Меня допустили! Пока «один — ноль», Лида. Ты молодец!

В прихожей (огромной, как танцпол в клубе) я раздеваюсь. Вешаю пальто, ровненько прилаживаю, как у нас говорят, у порога сапожки. По стенам глазами не шарю — воспитанная. Большие глаза не делаю. И не потому, что все это видела, — откуда мне? А потому что скромна. Мама так воспитала.

Лидия Николаевна тяжело вздыхает и делает царственный жест. Рука у нее очень худая, ладонь узкая, в крапках пигментных пятен, но с маникюром. А как же — звезда!

Кухня тоже впечатляет своими размерами. Метров шестнадцать, не меньше. А то и все семнадцать! Почти как мой дом. Но грязь — не-

сусветная! Солнце беспощадно обнажило всю подноготную — и хозяйки, и кухни.

Ладно кухня — пыль, жир и сажа на потолке и стене. Но она! Это в темноте коридора еще как-то... А здесь, на свету...

Мумия, не иначе. Сморщенное лицо, дряблая, обвислая шея. Страшные руки. Ужасно, брррр!

Ведьма. Как в детской сказке — злая колдунья.

Садится, закидывает ногу на ногу, полы шелкового (в пятнах и драных кружевах) халата распахиваются, и обнажаются старые ноги — мертвого серого цвета, в крупных, перетянутых узлах синих вен, с выпирающими косточками — вальгусная стопа. Но с педикюром! Да, мастерство не пропьешь!..

Стою, глазки по-прежнему в пол.

— Садитесь, — наконец предлагает она. Ну я и сажусь.

Молчим. Начинает она.

Спрашивает про Полю — так она ее называла.

У меня по щеке катятся слезы. Вспоминая дорогу Полину Сергеевну, я всегда плачу. От жалости к себе. Ничего не забыто!

Детская травма, знаете ли... это ведь навсегда.

Про «Полю» говорю скупно — вроде мне и сейчас тяжело.

Хотя... Мне и вправду совсем нелегко... Вспоминать...

Но выстрел попал в цель — ей, кажется, меня жалко. Чуть кривятся узкие губы, и дрогнули тонкие, нависшие, «черепашьи» веки.

— Да... Полю жалко!.. Поля была... замечательной! Как же вам повезло!..

Я чуть не вскрикиваю. Но, разумеется, сдерживаю крик души и боли, обиды, невыносимо горького детского одиночества. Думаю, старческое одиночество ничуть не страшнее детского! Наверное, второе даже еще хуже и злей. И страшнее.

Я моргаю, стягивая набежавшую слезу, и часто киваю:

— Да-да! Мама... была замечательной!

Как же мне трудно произнести это слово! Потом она хмурится:

— Ну... А что... вы... сюда? В смысле — в столицу?

Я простодушна и очень честна:

— Развелась, деток нет, бог не дал... Работы в нашей дырище тоже. Хозяйство одной мне не нужно, ну, вот я и...

Она недовольно крутит головой:

— А вы думаете, что здесь — синекура?

Я вжимаю испуганно голову и развожу руками:

— Нет... Я не знаю...

— А вот я знаю! — жестко бросает она и — хлоп по столу ручонкой. — Медом здесь не намазано! — резко отвечает она. — Ни-ко-му! А вы... все сюда... претесь!.. Ну? И как думаешь жить?

Так, перешла на «ты» — уже хорошо. Может, меня пожалела? В память дорогой и незабвенной Полины?

Я бормочу, что я — учительница младших классов. Надеюсь, что учителя здесь нужны. Очень надеюсь! Ну или в детсад, методистом. В саду с голоду не помрешь. Там — питание! Сниму комнатуху... Ну или угол. Читала, что много бабулек сдают эти углы. И недорого вообще.

Лидия Николаевна усмехается:

— Угол! Ну-ну... Будешь жить с полоумной бабушкой и слушать ее «мемуары».

— Что делать... Ну, значит, буду. Я стариков... в смысле — пожилых людей — уважаю! И очень жалею...

— Не за что их уважать! И жалеть не за что! — отрезает она. — Гнусные сплетники, зануды и жалобщики! Вечно ноют, что мало денег, плохие дети и нету здоровья!

Резкая. Справедливая. Откровенная.

Их... А себя, любимую, она к старикам не относит! Не хочет к НИМ примыкать.

— Ладно, — смилостивилась наконец Лидия Николаевна. — Чай или кофе?

Я пожимаю плечами — дескать, не хочу вас утруждать.

— Ну, тогда сама! — усмехается она и поудобнее устраивает на стул свою тощую задницу.

Да ведь это прорыв! Почти маленькая победа. То, что и требовалось, собственно!

Я вскакиваю со стула и бегу в коридор.

— Что случилось? — пугается она.

— Счас, счас! — отвечаю я и втаскиваю на кухню свою огромную, пластиковую, клетчатую